

ГЕРОЙ МИУСА ЖДЕТ... НАПИШИТЕ ЕМУ ПИСЬМО

Звезда 6.9.79

Над Примиусьем дважды прокатывался огневой валик минувшей войны. Матвеев Курган, Ряженое, Рясное дважды оказывались на линии фронта, причем не на день или неделю, а на месяцы. С лихвой хлебнуло лиха переднего, края старшее поколение этих сел. Оттого так радостно и торжественно отмечают в них праздники — годовщины освобождения от немецко-фашистских оккупантов, так радушно встречают ветеранов боев на Миусе, тех, кто принес им свободу, счастье, мирное небо. Все в этот день дорогим гостям: улыбки, цветы, сердца. О тепле этих встреч, радушии хозяев я знаю не понаслышке: сам неоднократно приглашался на праздники в Матвеев Курган, сам участвовал в торжествах.

Приезжал я на праздники не один. Вместе со мной являлись в Матвеев Курган мои фронтовые друзья москвич Нил Александрович Зайцев и житель Черкессии Хамзет Капов. Все мы — двое — из одного батальона 1137-го стрелкового полка 339-й дивизии, участвовавшего в первом освобождении Матвеева Кургана.

Хамзет Капов был автоматчиком, я — его ротным, а Нил Зайцев, в ту пору молодой лейтенант, командовал нашим батальоном. Вьюжной декабрьской ночью сорок первого батальон Зайцева первым ворвался в горевший Матвеев Курган. Человек завидной храбрости, Зайцев не раз водил потом роты в атаки на укрепления немцев на Волковой горе.

Летом сорок второго о воинской доблести Зайцева узнал весь Южный фронт. В ту пору гитлеровцы готовились к наступлению. Чтобы разгадать их планы, нашему командованию требовался «язык». Попытки армейских разведчиков взять пленного немца кончились неудачами. Тогда за дело взялся наш комбат. Он лично возглавил группу разведчиков, в которую вошли лучшие бойцы батальона: в том числе Хамзет Капов. Вечером в районе Кирсановки (территория нынешнего совхоза «Сад-база») переправился с храбрецами

через Миус, а утром на командном пункте полка был уже мокрый, дрожащий от страха немецкий ефрейтор, Орден Красного Знамени — высокая награда за этот поиск — украсил тогда грудь Зайцева. Примерно недели две он повторил разведку в селе Ряженое. «Язык» и на этот раз был взят, но Зайцева тяжело ранило пулей. В грудь, павилет, осколком гранаты задело голову. Хамзет Капов вынес его из-под огня. Ряженская женщина Феодосия Семеновна Горбатенко перевязала полотенцем раны, отплатила в медсанбат. После госпиталя Зайцев долго воевал, был награжден еще тремя боевыми орденами, в том числе орденом Александра Невского. Но на большом фронтовом пути самым трудным и памятным был Миус. Оттого так тянуло его после войны взглянуть на долину, пройти теми местами боевого крещения.

Когда мы съезжались на праздники в Матвеев Курган, он был заводилой нашей «троицы». Первым делом танул к Кирсановке, к заплывшей кринице у Миуса, возле которой взял своего первого «языка». Потом мы всходили на дикие, пропахшие полынью склоны Волковой горы, которую батальон штурмовал 8-го марта сорок второго. Оттуда, Нил шел в Ряженое, обязательно навещал свою спасительницу Феодосию Семеновну Горбатенко. И всюду его, героя, встречали цветами, улыбками.

У него было много юных друзей в школах, он переписывался с красными следопытами, выступал с воспоминаниями в газете «Звезда».

Но вот уже четвертый год в Матвеевом Кургане среди гостей Нила Зайцева не видят. Не получают от него писем, телеграмм, Нил Александрович болел. Старые раны, полученные во время разведок на Миусе, будто бомбы замедленного действия, дали о себе знать спустя десятилетия. И вот многие месяцы больницы, уколы, вливания...

Трудно, ой, как трудно моему фронтовому другу, привыкшему к простору, совсем иному образу жизни. Навещаю его, вижу, с какой

тоской он задерживается взглядом на вислице в квартире карте, на той ее нижней части, где сидит змейка Миуса и стоит кружок «Матвеев Курган». Замечаю еще, как прислушивается к шагам почтальона, потом, преодолевая недуг, подходит к почтовому ящику: нет ли писем оттуда, где в юные годы бесстрашно шел навстречу пулям, снарядам, минам, где пролил свою кровь? Ницут близкие, фронтовые друзья, а вот из Матвеева Кургана, Ряженого, Рясного, совхоза «Сад-база» — ни строчки.

Я далек от мысли, что Зайцева там забыли. Знаю, из школы, хозяйства Зайцеву раньше часто писали. Но потом ответы получать перестали. Все из-за той же болезни: Зайцев не может писать, сменился его московский адрес. Переписка стала односторонней и вот заглохла. А Нил Александрович ждет.

Нил Александрович Зайцев, как, впрочем, и бывший автоматчик, разведчик Хамзет Капов, немало потрудился в мирное время. Но главное дело своей жизни он свершил в суровые годы войны, на полях сражений. Там остались его солдатский пот и кровь, там осталось самое дорогое — юность. И что же теперь в этих святых для солдатского сердца местах? Ему хочется знать о том, слышать, читать. Ему дорого слово благодарности нынешнего поколения Примусья за ратный подвиг. Оно лучше всяких лекарств действует на его незаживающие раны.

Вот нынешний адрес Нила Александровича Зайцева: 129327, г. Москва, П-327, ул. Енисейская, 17, корпус 2, кв. 294. Адрес Хамзета Капова: Карачаево-Черкесская обл., аул Старо-Кувшинский.

Напишите же им, друзья! Напишите то, что лежит на сердце. Пошлите открытку, телеграмму, короткое письмо. Если не получите ответа — не обижайтесь. Вы знаете, почему они молчат. В школах Примусья праздники освобождения совпали с началом учебного года. Хорошо бы провести уроки письма к ветеранам великой войны, тем, кому молодое поколение обязано своим счастьем.

Напишите ветеранам боев на Миусе. Ветераны ждут!

А. ГОЛУЗОВ,
капитан в отставке, бывший командир роты автоматчиков 1137-го стрелкового полка 339-й дивизии, участник боев на Миусе, член Союза журналистов СССР.